

Я

не сразу узнал голос не определившегося в телефоне абонента.

— Это кто?

— Кто-кто?... Конь в пальто! — засмеялся Никита.

— Не узнал тебя, редко звонишь...

Дружба наша завязалась в 1959 году, когда мой «крестный отец» по кино, молодой и красивый двадцатидвухлетний Андрон Кончаловский впервые ввел в свою семью и познакомил с отцом — Сергеем Владимировичем Михалковым, мамой — Натальей Петровной Кончаловской и моим ровесником, братом Никитой. Младший брат, с почтением относившийся к старшему, с ходу принял героя его фильма в свои друзья. Я начал дневать и ночевать в добросердечной семье Михалковых. Дачный сторож-истопник, встречая меня, бывшего в те годы весьма худосочным, неизменно острил: «А-а... мертвые души приехали...» Нам с Никитой — по 13 лет. Он старше меня всего на 8 месяцев и 18 дней, но с самого начала и до сих пор показывает свое старшинство.

Ах, какие это были светлые дни! Мой новый друг возил меня на конезавод, где впервые посадил на лошадь и преподавал навыки верховой езды. Он готовился к роли Пети Ростова в «Войне и мире» С.Ф. Бондарчука и уже был, казалось мне, опытным наездником. Но за год ожидания

начала съемок Никита на голову вымахал ростом, и роль Пети получил больше юный исполнитель. Никита не переживал. Увлеченный баскетболом, брал меня на свои соревнования, где я с гордостью наблюдал, как ловко он перемещается по площадке и метко попадает в кольцо.

Мы были, как полагается в этом возрасте, весьма озорными подростками. Куролесили ночами по Никологорским закоулкам с ватагой приятелей: Володей Грамматиковым, Колей Томашевским... имен остальных уже не припомню. Помню, как наши приятели усаживались на асфальтовую дорогу, подносили зажженную спичку к штанам и делали огненный залп. Тайком допивали изобретенную Натальей Петровной знаменитую настойку «Кончаловку». Пели забористые частушки, травили анекдоты, и королем искрометного юмора всегда был Никита. Сбегали по глинистой тропинке заросшего душистого оврага, загорали на песочке, купались в Москве-реке. Как приятно было потом узнавать этот овраг и речные заводы в фильмах друга, воплощавшего на экране трепетные воспоминания своего детства. Благоговейно сидели за новогодним столом со старшими, пока нас, «детей», вскоре после полуночи не отправляли спать. Какие «дети»?! Какой там сон, когда за стеной столь интересные события!

Я уже вовсю снимался. Вслед за фильмом Андрона последовало «Иваново детство» Тарковского. Фильмы двух друзей Андреев были отмечены венецианскими «Львами св. Марка». Фильм Тарковского получил еще 15 международных наград. Об «Ивановом детстве» писала мировая пресса — Жан Поль Сартр, Константин Симонов... Мои портреты публиковались в зарубежных журналах рядом со звездами мирового кино — Марчелло Мاستроянни, Софи Лорен, Джиной Лоллобриджидой... Недалекие критики гладили меня по головке, лили в уши опасный елей: «Ты гений! Ты играешь как большой артист!» Никита же никак не проявлял своего желания стать артистом. И вдруг Гия Данелия пригласил его сняться в «Я шагаю по Москве». Узнав об этом, я грешным делом подумал, что моего друга пригласили по благу, потому что он — Михалков. Ну я понятно — пятнадцатилетний артист Академического театра Моссовета, у меня уже семь ролей в кино, а друг мой — разве он артист?..

Первая же роль показала удивительную органику, легкость и неповторимое обаяние юного Никиты. А дальше — началось неуклонное творческое восхождение от фильма к фильму, начала созидаться удивительная судьба большого художника. Никита начал серьезно подготавливать себя к актерской профессии: на дачном участке сдвигал столы, и мы делали через них кульбиты, обретая каскадерские навыки сценического движения. Лет в пятнадцать он прочитал мне написанный им первый свой сценарий фильма-боевика о басмачах и бароне Унгерне. Это первое вторжение в кинодраматургию пригодилось ему и потом получило развитие в первом советском вестерне «Свой среди чужих».

В 1964 году, придя к Никите, я увидел ангелоподобное существо — Настю Вертинскую, уже прославившуюся в «Алых парусах» и «Человеке-амфибии». Не восторгаться ее неземной красотой было невозможно. Но мгновенно прочитав в глазах друга душевное расположение к этому ангелу, я и не помышлял давать волю своим восторгам.

Как-то я рассказал Никите о необыкновенной школе рабочей молодежи для творческих детей, в которой я учился вместе с детьми из Большого театра, ансамбля Моисеева, спортсменами... Моими одноклассниками были Таня Тарасова и Алеша Уланов, вскоре заявивший о себе как выдающийся-

ся фигурист, победивший на олимпийском, европейском и мировом чемпионатах вместе с Ирой Родниной, учившейся в этой же школе на два класса младше. Учились мы весьма комфортно — всего три дня в неделю.

— Ты учишься шесть дней, а мы три дня, — сообщил я Никите. — Педагоги замечательные, отношение к ученикам творческое, оценки выставляют с легкостью.

— Где такая школа? — удивился Никита.

— Недалеко от твоего дома, на улице Чехова.

Никита мгновенно спикировал в эту школу и через год, окончив 10-й класс, поступил на актерский факультет Щукинского училища. На следующий год после школьной учебы и я был удачно зачислен на второй курс, где учились мои друзья Никита и Настя. Началось славное студенческое время. Каждую сессию мы готовились к экзаменам вдвоем, в квартире Никиты на улице Воровского. Ночи напролет зубрили предметы, встречали тихие майские рассветы под классическую музыку и пение Рея Чарльза, Луи Армстронга, Шарля Азнавура, Эдит Пиаф, Рея Коннифа... А потом шли на экзамен, и Никита принципиально шел к экзаменаторам первым.

На третьем курсе Никита попросил меня сыграть Карла XII в его первой в жизни режиссерской пробе — самостоятельном отрывке из «Петра Первого». Попытка была удачной, оценка «отличной». Воодушевленный успехом, Никита решил поставить с нашим курсом одноактную пьесу по сценарию американского фильма «Двенадцать разгневанных мужчин».

— Ты фильм видел? — спросил он меня.

— Нет.

— Потрясающий фильм. В главной роли Генри Фонда. Супермен, один идущий против суда присяжных, побеждающий их всех... Ты будешь играть эту роль.

Начали репетировать. Никита все больше входил в режиссерский кураж, работал самозабвенно. В разгар репетиций ректор Б.Е. Захава издал приказ об отчислении Михалкова из училища. За что? Как поговаривали — за анархию, за пропуски, за вольный дух и врожденное остроумие. Преодолевая унижение, смиряя гордость, Никита каждый вечер дожидался момента, когда все педагоги покидали училище, залезал в окно и продолжал репетиции. Он подпольно завершил постановку на столь высоком уровне, что изгнавшие его ректор и мастер курса утвердили произведение Никиты как наш дипломный спектакль. Через год и меня отчислили из училища за съемки в «Андрее Рублеве» и опоздание к началу учебного года почти на месяц. Опытные педагоги посоветовали мне покаяться перед ректором, типа «больше не буду сниматься у Тарковского». Меня приняли обратно, а Никита гордо и бесповоротно ушел в режиссуру, поступив во ВГИК на курс М.И. Ромма.

Мы стали видаться редко: каждый пошел своим путем. Никита начал головокружительное восхождение, снимая фильм за фильмом, которые приносили славу не только ему, но и всему советскому кинематографу. Путешествуя по миру, я с удивлением видел, что за границей знали уже не только Бондарчука и Тарковского, но и Никиту Михалкова. В роду Никиты прибыло, он стал отцом — родился сын Степан.

Однажды Никита предложил мне сняться в его новом фильме «Обломов». Я прочитал сценарий и не увидел никакой роли, даже имени не было: просто гость на пикнике у Ольги. Мне явно там нечего было играть. Но Никита умеет уговаривать.

— Мы сделаем замечательную роль. У меня даже эпизоды играют актеры экстра-класса... А я потом у тебя буду бесплатно сниматься, где захочешь...

Я согласился и приехал к нему в экспедицию на Оку. Приехал днем: думал, что друг, узнав о моем приезде, захочет меня увидеть, поговорить о предстоящем. Но он так и не появился. А на следующий день в 6 утра меня с массовой посадили в автобус и привезли на площадку. Такое отношение к заслуженному артисту с тридцатью ролями за плечами меня удивило. Одели, загримировали, попросили встать у дерева, чтобы снять мой крупный план. Работа на площадке спорилась, а я пребывал в полном неведении и все более тревожном расположении духа. Наконец Никита сказал мне, что сейчас будет моя главная сцена.

— Ты будешь делать «английский бокс» вот с этим актером.

Он указал мне на молоденького паренька с весьма нежной пластикой и голосом.

— Я не знаю, что такое «английский бокс», — сказал я Никите. — Покажи.

Никита показал мне несколько плавных, нежных движений руками. Я отвел друга в сторону.

— Обо мне и так кто-то пустил слух, что я «нежной ориентации». Ты хочешь, чтобы я делал эти нежные движения с нежным мальчиком и ко мне окончательно приклеился этот «нежный» ярлык?

— Но ты же артист... Ты же должен...

— Ничего я не должен.

Не скрою, я был обижен на друга. Он ведь так и не рассказал мне, какую «замечательную роль» намеревался вылепить. Я покинул площадку, уехал в Москву, оставив фильму «Обломов» единственный крупный план неизвестно что тут делающего Бурляева.

Наши пути разошлись лет на пятнадцать, пересекались редко: на студии, в общественных местах, на улице... Никита продолжал свое блистательное восхождение. В 1984 году у Никиты родилась дочь Анна, а еще через год — сын Артем.

В 1986 году Никита стал отцом в четвертый раз — родилась Надежда, которой в недалеком будущем было суждено вместе с Никитой воплотить на экране неповторимую родовую связь отца и его любимого дитя. Как актер скажу: это невозможно сыграть, если в сердце нет подлинной любви.

В Кремле грянул исторический, «перестроечный» V Съезд кинематографистов СССР. На нем Никита единственный встал на защиту чести и достоинства С.Ф. Бондарчука, обрекая себя на многолетнюю «нерукопожатность» серой кинематографической стаи, пока наконец не одержал (причем там же, в Кремле) убедительную победу и не был почти единогласно избран Председателем Союза кинематографистов России. «Нерукопожатным» после V съезда стал и я за свой первый авторский фильм «Лермонтов». Та же стая коллег и советских СМИ рвали меня на части, выпустив 22 разгромные статьи за 10 месяцев до выхода «Лермонтова» на экран. словно по команде, газеты и журналы давали только негатив, блокируя положительные рецензии, написанные Валентином Распутиным, Арсением Тарковским, Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Юрием Бондаревым, профессорами МГУ и лермонтоведами... Я был для «стай» что красная тряпка для разъяренного быка. С центральных телеканалов

вытеснялись журналисты, пославшие взять у меня интервью и показать вполне вменяемого Бурляева. Мне была нужна защита. Позвонил Никите, попросил посмотреть фильм и высказать свое мнение. Он ответил, что готов, но сейчас улетает за границу и не скоро появится. В эти же дни подруга Наталья Петровна Кончаловской сказала мне, что та сетовала: «Что-то Коленька меня совсем забыл... Давно не таскала его за вихры...» Услышав это, позвонил Наталье Петровне, и она пригласила меня на Николину гору. Спустя многие годы я снова приехал в сердечные места своего детства. Со мною был мой 10-летний сын Иван, который находился почти в том же возрасте, что и я, впервые вошедший в семью Михалковых. Иван, ученик Центральной музыкальной школы, поиграл Наталье Петровне на рояле Баха, Моцарта, Гайдна...

— Как хорошо, что ты учишь своих детей музыке, это пригодится. Я тоже учила Андрона и Никиту...

Я рассказал Наталье Петровне о травле, которой подвергаюсь со своим фильмом, о предательстве тех, кого я считал своими друзьями. После просмотра «Лермонтова» она взяла мои руки, гладила их, гладила голову и как-то особенно нежно промолвила:

— Вот какой ты стал, Коленька... Так ведь они тебе завидуют... И Никиту многие предают. — Она горестно, но светло спросила: — Зачем же С...ка так поступил с Никитой?..

Она назвала имя нашего по отрочеству общего с Никитой приятеля.

В 1993 году, готовя третий кинофорум «Золотой Витязь», я увидел документальный фильм Никиты «Анна. От 6 до 18». Картина поразила меня своей исповедальной искренностью. Это был мощный, пронзительный фильм Мастера о времени, о себе, о России, переживающей историческую ломку. Я решил показать этот фильм на «Золотом Витязе». Приехав к Никите на Николину, застал его лежащим на полу, делающим зарядку. Мы провели вместе часа три. Я показал видеofilm о прошедшем в Югославии втором кинофестивале «Золотой Витязь». Он смотрел внимательно, молча. Увидев кадр из фильма-призера фестиваля «После войны мир», в котором паровоз неожиданно объезжает бегущего ему навстречу по рельсам веселого человека, искренне, эмоционально воскликнул: «Класс! Гениально! Прекрасно! Класс!» Так открыто радоваться творчеству коллег может только талантливый человек.

— Следующий «Витязь» я провожу в Приднестровье.

— А почему там? — спросил присутствовавший при нашей встрече украинский оператор Вилен Калюта.

— Правильно, что в Приднестровье, — поддержал Никита.

— Ты представишь на конкурс свою картину? — спросил я.

— Конечно... Какую?

— «Анну».

— Хорошо.

— А сам приедешь?

— А когда фестиваль?

— Открытие 2 сентября.

Никита задумался.

— В конце августа — начале сентября я во Франции... Придется прерывать поездку на два дня раньше... Я приеду.

— С этого года я решил не возглавлять жюри, — сказал я Никите. — Но я знаю всю программу и думаю, что «Золотой Витязь» — твой.

— Дай расписку! — с ходу сострил Никита.

Потом мы говорили о кино, о политике и политиках, о безверии, о необходимости спокойного, неустанного труда...

— Я должен перед тобой покаяться, — сказал я, прощаясь с Никитой. — Наблюдая за тобою все эти годы издали, я, хотя мы и друзья, грешным делом думал, как и многие: «удачник», «благополучен», «барин»... А то, как ты все эти годы жил и страдал, увидел лишь в «Анне».

Пролетели три месяца. Наступило 2 сентября, день открытия в Приднестровье кинофорума «Золотой Витязь». Двенадцатый час дня — Никиты нет. Ну, думаю, не приедет. Да это и понятно: зачем прерывать триумфальную поездку по Франции, где его «Утомленных солнцем» носят на руках, и мчатся через три границы в Тирасполь... Спускаюсь в гостиничном лифте вниз. Двери раскрываются — передо мною Никита с костюмом на вешалке за плечами.

— Приехал?! — изумился я.

— А, — улыбнулся Никита. — Я ж обещал.

— Через два часа участники фестиваля пойдут по главной улице с оркестром. Ты пойдешь?

— А открытие во сколько?

— В 18.

— Я у тебя гвоздь программы?

— Гвоздь.

— Так вот я выйду в 18 на открытия.

Вечером зрители кинофорума приветствовали появление Никиты с восторгом и благодарностью. Завершая свое выступление, он сказал:

— Я бы хотел пожелать фестивалю «Золотой Витязь» плавного поступательного движения, покоя и мудрости, когда внутренней молитвы нам достаточно, чтобы бороться с теми, кто нас не любит...

В 1996 году после своей победы в Думе, когда удалось сломить сопротивление председателя думского комитета по культуре и пробить строку для «Золотого Витязя» в госбюджете, я спросил Никиту:

— А у твоего Фонда культуры есть строка в бюджете?

— Нет, — ответил Никита.

— Как нет? Ведь Фонд культуры делает так много важнейших проектов...

— Я не знаю, как это делается.

— А я уже знаю. Я прошел этот путь. Давай попробуем.

Я начал действовать. Ввел заместителя Никиты в Думу, познакомил с руководителями фракций, с Г.А. Зюгановым, который в те годы имел о Михалкове представления, навеянные лишь недругами Никиты. Я убедил Геннадия Андреевича в том, что Никита — такой же патриот России, как и он сам, нарисовал подлинный портрет подвижника и труженика Никиты Михалкова. Поддержка была обещана. Я предложил прописать для Фонда культуры в строке госбюджета 200 миллионов рублей: такую же сумму, как на весь кинематограф, чтобы Никита мог спокойно воплощать позитивные проекты. Но вновь на нашем пути встал председатель комитета по культуре, который не любил Никиту и добился уменьшения суммы до 6 миллионов.

Но строку мы все-таки пробили.

В 1998 году Никита стал участником открытия «Золотого Витязя» в дороге для каждого русского сердца в Киеве. И хотя новое украинское руководство, укореняя русофобию, не желало видеть нас в Киеве, но мы всюду встречали радушие и сердечность простых людей. После открытия за дружеской трапезой на зафрахтованном нами теплоходе «Маршал Кошевой» далеко за полночь Никита спросил:

— А супчика нет?

Супчика не оказалось. Сели по машинам, помчались по ночному Киеву в поисках желанного супчика. Все рестораны закрыты. Остановились у подвальной корчмы — свет погашен, двери заперты. Постучались — открыла официантка, увидев Никиту, ахнула, и мы всей гурьбой ввалились внутрь. За столом началось представление всенародно любимого Никиты Михалкова. словно исполняя соло на контрабасе, он расспрашивал порозовевшую, млевшую от соприкосновения с кумиром барышню о возможных блюдах, а она подтверждала готовность принести все, что его душе угодно. Ах, зачем эта ночь так была коротка?!

В 1999 году 19 «цивилизованных» стран начали бомбардировку Югославии. Никита находился тогда на кинофестивале в Каннах и, узнав об этом, выступил на пресс-конференции с жесткой оценкой натовского злодеяния, обрекая тем самым себя на «нерукопожатность» в Европе и Америке, которая сразу же не пустила «Сибирского цирюльника» на киноэкраны США.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл благословил провести в поддержку Югославии очередной «Золотой Витязь» в Смоленске. Рискуя жизнью, невзирая на тотальную блокаду и угрозу попасть под бомбы, сербские кинематографисты добрались до Смоленска. На открытии кинофорума митрополит Кирилл и Никита произнесли жизненно важные для славянских братьев слова духовной поддержки. Слово правды и видео-информация, распространенные участниками форума в 20 стран мира, и сердечные проводы наших сербских братьев на свою распинаемую Родину были нашим посильным вкладом в их борьбу с дьявольским «новым мировым порядком».

Вскоре министр культуры Сербии пригласил меня и Никиту в Белград в одно и то же время. Никиту — для представления его ретроспективы, меня — для вручения государственной премии Югославии.

13 февраля 1999 года, едва наш самолет начал выруливать на взлетную полосу, на весь салон раздался голос выдающейся сербской актрисы, нашей с Никитой подруги Иванны Жигон: «Дорогой Никита Сергеевич и Николай Петрович, дорогая Инга...» Трепетные слова признательности за труды Никиты, за то, что он направляется в распинаемую Сербию, растрогали нас. Когда ее голос стих, я обернулся к Никите, сидящему за спиной, и он ответил мне таким же потрясенным взглядом. Много приходится Михалкову летать по миру, но вряд ли его прежние перелеты начались таким сердечным образом. И в моей жизни подобного не было. В Белградском аэропорту нас встречало множество знакомых и незнакомых лиц: министр Желько Симич, наш посол Я.Ф. Герасимов, вице-президент «Золотого Витязя» Йован Маркович, Ивана Жигон... В этот же вечер нас ожидало около 5000 людей в Русском центре и на улице возле него, куда из-за несогласованности действий нам не суждено было попасть.

Нас провезли по улицам Белграда, показали последствия бомбарди-

рвовк НАТО. «Экскурсия» была почти молчаливой. То, что видели наши глаза, говорило само за себя. Министр культуры, Ивана Жигон и Йован Маркович рассказывали о своей жизни под градом ракет, начиненных ураном. Последствия облучения уже начали сказываться на сербах. Удар по иммунной системе людей был настолько велик, что зарегистрировано невиданное доселе количество онкологических заболеваний. Мы брели с Никитой и Ингой по вечернему Белграду, смотрели на следы варварства, молчали, и каждый думал о своем. Мы не могли говорить — настолько ошеломили нас виды современной «Герники», сознательно устроенной «цивилизованным» миром на территории избранного ими для публично-распятия маленького, гордого народа. Наконец нас привезли в самый высокий храм Европы — недостроенный собор святого Саввы. В соборе не было электрического освещения, но кто-то предусмотрительно принес переносную лампу, свет которой вырывал из темноты земляной пол и величественные своды собора, сосредоточенное лицо Никиты...

В этот же вечер мы побывали в Народном театре на «Пигмалионе», где зал горячо приветствовал Никиту, чья популярность в Югославии невероятно велика, ведь недавно его «Сибирский цирюльник» завершил свое триумфальное шествие по экранам страны, став абсолютным лидером проката 1999 года. Сербам была хорошо известна позиция Никиты в отношении агрессии НАТО в Югославии. Принципиальный, мужской характер моего друга, всегда говорящего прямо, часто в ущерб себе, идущего наперекор толпе, но не предающего друзей и своей чести, достоин уважения.

Утро 14 февраля началось с посещения первой репетиции выдающегося режиссера Югославии Стево Жигона, приступившего к постановке «Чайки» на сцене Народного театра. Актеры с большим интересом слушали выдающегося русского режиссера Никиту Михалкова, делившегося с ними своим пониманием «Чайки» и Чехова, с творчеством которого его связывали давние отношения.

В этот же день Никиту, меня и Ингу принял президент Югославии Слободан Милошевич. При встрече и рукопожатии Никита, нарушая протокол, задержал руку президента в своей руке и сказал:

— Крепкая рука мужика.

После приветственной речи президента Никита сказал то, что было и у меня на сердце. Он рассказал о нашем посещении собора святого Саввы и тактично, но решительно высказал пожелание завершить строительство этого храма, который явится великим духовным, православным магнитом в центре Европы. Встреча была очень сердечной и неформальной. Никита умеет нарушать протокол и расслаблять официоз президентов, очаровывая своей простотой и остроумием. Президент трижды подавал сигнал помощникам вносить традиционный сербский напиток и лично проводил нас до парадного выхода и ожидавших в парке резиденции машин.

Вечером в переполненном зале Белградской кинотеки, самом мощном кинохранилище Европы, которое пытался защитить от ракет НАТО своим обращением председатель Союза кинематографистов России Никита Михалков, состоялась встреча с ведущими кинематографистами Белграда. 600-местный зал был переполнен, люди стояли в проходах. Никите вручили диплом почетного профессора Сербской киноакадемии, а мне — Государственную премию Югославии. Фото запечатлело щедрые аплодисменты в адрес Никиты.

Апофеозом этого дня стало открытие ретроспективы творчества Никиты показом «Утомленных солнцем» в Сава-центре, одном из самых больших залов Белграда и Европы. Все пять тысяч мест были заполнены. Зрители встречали Никиту стоя продолжительной овацией. И хотя этот популярный в Югославии фильм многие зрители видели не раз, никто не покинул зал.

Резонанс в югославских СМИ из-за нашего визита был невероятный. Сербы сказали, что о приезде Марлона Брандо и Элизабет Тейлор к Иосифу Броз Тито не было написано и показано столько, сколько о нашем визите.

В 2000 году «Золотой Витязь» проводили в Москве. Никита решил представить на конкурс свой новый фильм «Сибирский цирюльник». На одной из пресс-конференций журналисты задали ему вопрос: «Почему Вы представили свой фильм только на “Золотой Витязь”?» Никита ответил: «Есть кинофестивали, где показывают фильмы про уродов, а есть, где про людей. Вот я и отдал туда, где показывают про людей».

И этот фестиваль мы проводили в режиме уже привычного для нас чиновничьего удушения «Золотого Витязя». На третий день после открытия стало понятно, что завтра нам не на что будет кормить участников форума. Что делать?.. Где занимать деньги?.. Позвонил Никите. Он отреагировал мгновенно, без долгих объяснений — понял, что «Витязя» надо спасать. Распорядился немедленно выделить со счета «Студии ТриТэ» заем, необходимый для продолжения нашего стояния. Узнав о решении жюри вручить Гран-при Никите за «Сибирского цирюльника», я позвонил и поздравил своего друга с победой. По моим расчетам, момент вручения Гран-при в Кремлевском дворце должен был наступить около 20 часов. Никита обещал приехать в Кремль к этому моменту. В 19.30, чувствуя неотвратимое приближение кульминационного момента, я из зрительного зала позвонил Никите:

— Ты где?

— В Фонде культуры, — прошептал Никита, — вручаю награды детям.

— Ты помнишь, что через полчаса ты должен быть в Кремле?

— Помню.

— Если будешь опаздывать, я потяну время оркестром...

Перегнул через барьер оркестровой ямы, сообщил дирижеру А.И. Полетаеву, что придется играть, пока не появится Никита. Анатолий Иванович с улыбкой успокоил, что музыки хватит до утра.

В 19.55 я в тревоге снова набрал Никиту.

— Ты где?..

— Вхожу в зрительный зал...

Я оглянулся — по проходу стремительно приближался Никита.

В 2004 году я увидел по телевидению новый документальный фильм Никиты «Отец», снятой к 90-летнему юбилею С.В. Михалкова. Как все-гда ночью (днем пробиться к нему сложно) я позвонил Никите и высказал свое отношение к его новой кинематографической исповеди.

— Я хочу представить твой фильм «Отец» на «Золотой Витязь»...

— А хочешь — мать?

Я улыбнулся, думал, он шутит.

— Да, нет, правда, — сказал Никита, — я вчера закончил фильм о маме.

— Тогда мы представим оба фильма как дилогию, ты не возражаешь?
— Хорошо.

На следующий день получил от Никиты кассету с фильмом «Мама». Выбрал спокойный час перед сном, поставил кассету. К концу просмотра ощущал спазмы в горле. Фильм тронул мое сердце. Ведь я любил Наталью Петровну и был ею любим. Несмотря на двенадцатый час ночи позвонил Никите:

— Я целый час побыл подле твоей мамы.

— Ты смотрел фильм?

— Да, только что закончил просмотр.

— Да? — оживился Никита. — Ну и как?

— Это гимн не только твоей матери, твоему роду, это гимн русской семье. Для меня это все очень близко. В моей жизни были три настоящие женщины: моя мама, моя тетьа Фая и твоя мама. Благодаря им мы живем, верим и трудимся. Мы покажем фильм на открытии фестиваля в Калуге, и ты должен его представить.

— Но я в это время в Каннах как официальное лицо от Союза кинематографистов.

— У нас твоё присутствие более важно.

Никита начал высчитывать дни и свои обязанности в Каннах. Обещал приложить все усилия и приехать.

— А ты уверен, что это можно показывать на открытии фестиваля, ведь фильм-то небольшой? — в голосе Никиты слышались несвойственные ему нотки нерешительности.

— Часовой фильм, — ответил я, — вполне достаточно.

— Но ведь фильм-то телевизионный, как ты его будешь показывать?

— Очень просто... поставим в театре видеопроектор и большой экран.

Никита мчался из Москвы в сопровождении машины калужской милиции, поджидавшей его на границе области. Я то и дело созванивался с ним, пытаюсь понять, где он находится и когда появится в театре. Он лишь отвечал: «Коля, я не знаю, где я, но я лечу...» Я затаил открытие на 20 минут до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно. Но овация не смолкала. Зрители партера и балконов, поднявшись со своих мест, стоя приветствовали автора. Внезапно Никита резко склонил голову и стремительно пошел на выход. Я — за ним. Догнав, положил руку на его плечо, а он, словно локомотив, влек меня в дальний, затемненный угол фойе. Дойдя до стены, он остановился; в глазах его стояли слезы.

— Коля, — сказал он, — если б ты знал, как трудно быть и внутри фильма, и вовне... — Никита с трудом сдерживал слезы.

В этот вечер в Калуге произошла еще одна победа моего друга. Победа Художника, не боящегося обнажать свое сердце перед окружающими, которые подчас могут и камнями забросать...

Узнав решение жюри о присуждении дилогии Никиты Гран-при, я позвонил и поздравил друга с победой. Он был искренне потрясен и обрадован... «Такого еще не было», — сказал он и обещал приехать на закрытие.

Осенью этого же года на открытии театрального «Золотого Витязя» Никита вручил высшую награду, золотую медаль имени Н.Д. Мордвинова «За выдающийся вклад в театральное искусство» великому сербскому режиссеру и актеру, нашему общему с Никитой другу Стево Жигону. Я заказал в иконописной мастерской в подарок «неверующему» Стево икону Спасителя. Когда Никита на сцене вручил ему икону, я, стоя рядом с ними, шепнул Стево: «Поцелуй икону». И «атеист» Стево Жигон, быть может, первый раз в жизни благоговейно и продолжительно приник губами к иконе. Вскоре Стево скончался. Его дочь рассказала, что в это время у них в доме шел ремонт, из комнаты отца вынесли всю мебель, кроме его постели. Стево попросил оставить в его изголовье икону Спасителя и приз «Золотой Витязь», под которыми и перешел в жизнь Вечную.

Вечер 60-летнего юбилея, проводов Никиты «на пенсию», несмотря на многолюдность и присутствие большого количества vip-персон прошел неформально и весело. Никита своей режиссерской волей направлял течение юбилея, оживляя его шутками в адрес тостующих: министров финансов и МЧС, главы Администрации Президента, вице-премьеров... Выступая, я в шутку сказал, что ввел в режиссуру двух гениальных режиссеров — Андрона и Никиту.

— И Тарковского! — вернул Никита...

В 2006-м последовал и мой «выход на пенсию». Накануне на закрытии Московского международного кинофестиваля Никита сказал:

— Нужно снять фильм о тебе к юбилею.

— Да, уж если не ты, то никто не вспомнит...

— Ты хочешь, чтобы снимал Виталий Максимов?

— Да. Виталий был первым на российском телевидении, кто прорвал блокаду вокруг моего имени после «Лермонтова». Виталий больше других в теме... Да и времени-то осталось всего месяц...

— Надо договориться с «Российским каналом», — сказал Никита и перевел разговор на недавно увиденный им фильм «Мастер и Маргарита», на моего Иешуа Га Ноцри, который ему понравился. — Да... ты шел на большой риск...

27 августа 2009 года скончался Сергей Владимирович Михалков. Освободился от пут зависти, сопутствовавшей всей его жизни. Как не завидовать: с молодости — лауреат всевозможных наград, автор текстов гимнов СССР и России, под которые страна засыпает и просыпается вот уж семь десятков лет. Небожитель, приближенный к вождям, заикающийся и благополучный... Когда мы познакомились в 1959 году, он был на вершине общественного признания. Распускали сплетни: «Михалков — миллионер... У него открытый счет в банке... У Михалкова все по благу...» Все повторяется: раньше завидовали Сергею Михалкову, сегодня завидуют его сыну Никите...

Частенько Сергей Владимирович, восседая за рулем своей «Волги», возил нас с Никитой на дачу, на Николину гору, а мы, тринадцатилетние отроки, сидя на заднем сиденье, внимали редким, но метким высказываниям классика-отца. При встрече со мной Сергей Владимирович шутил: «Ты что меня пе-передразниваешь...», «Будем за-заикаться на пару..?» Теплые, уютные, семейные застолья... Острый юмор отца, изысканность и добросердечность мамы... Зимними ночами мы прислушивались к веселым разговорам взрослых... До сих пор я сохраняю память об удивительном, русском, теплом, наполненном взаимной любовью мире семьи

Михалковых. Я не обладывался мыслью, что я, мальчишка, могу что-то значить для Сергея Владимировича. Кто я — и кто он?! Однако его мгновенная реакция на мою неожиданную проблему меня поразила. После фильма «Андрей Рублев», вызвавшего большой резонанс на Западе, мой друг Савва Ямщиков попросил меня дать интервью шведской журналистке, председателю общества Шведско-Советской дружбы Альме Браттен. Наша встреча началась в валютном баре гостиницы «Националь», где мы мирно ужинали и беседовали, а закончилась в комнате милиции гостиницы «Москва», куда меня препроводили двое молодцев в штатском. К счастью, когда меня вели из «Националя» в «Москву», меня увидел друг нашей семьи и сообщил о происшедшем моей маме.

Допрос, хамское обращение, обыск до носков... Меня подвел брелок, приделанный к ключам, — железный немецкий крест, оставшийся от съемок «Иванова детства».

— Ах, так ты поклонник фашистов... Что ты делал в баре?

— Я а-артист... Давал и-интервью...

— Какой ты артист, заика... Что-то мы тебя нигде не видели...

— П-плохо знаете кино...

— Заткнись! Да мы тебя на пять лет укатаем...

Запахнули в воронок, доставили в 50-е отделение милиции, посадили в камеру, закрыли засов. Сажу, размышляю о печальной перспективе предстоящей жизни в неволе в ближайшие пять лет... Сидел недолго, может быть, час, но словно пред казнь в сознании промелькнула вся моя недолгая жизнь... Наконец под натиском моей мамы выпустили с протоколом в руке: «Штраф 50 рублей. За приставание к иностранным туристам у гостиницы “Националь”».

Дома, не понимая, что же мне теперь делать с этой «черной меткой» на моей биографии, я позвонил Никите. Выслушав мой взволнованный рассказ, он передал трубку отцу. Реакция Сергея Владимировича была мгновенной: «Сейчас я за тобою приеду, выходи». От улицы Воровского, где жили Михалковы, до Горького, 6, где жил я, — не так далеко. Через 15 минут я уже сидел в «Волге» Сергея Владимировича, лихо затормозившего у арки моего дома, а еще через 5 минут мы входили в подъезд легендарной «Лубянки». По длинным коридорам нас провели в большой зал. Без промедления к нам вышли два солидных человека с внимательными лицами, в штатском, в ранге (не менее) заместителей председателя КГБ. Представив меня, рассказав анекдот, расслабив чекистов, посмеявшись, Сергей Владимирович переключил внимание всех на меня: «Ну, рассказывай...»

Я подробно изложил свое приключение. «Почерк не наш, — обронил один из чекистов, — это милиция. Пойдите в соседнюю комнату и запишите то, что рассказали нам...»

Спустя несколько дней я получил официальное извещение: «...Ваше дело закрыто. Виновные в Вашем задержании наказаны. Изъятый у Вас железный крест возврату не подлежит, уничтожен...» Сергей Владимирович позвонил мне, довольный, сообщил: «Твоих обидчиков разжаловали и отправили работать на дальний рынок». Кто я был для С.В. Михалкова, чтобы он тратил свое время и энергию на возню со мной? Приятель его младшего сына, мальчишка, которого он видел-то всего несколько раз... Он и своих-то детей не баловал особым вниманием и лаской, а тут ради меня, в общем-то, постороннего пацана, бросив все дела, как орел за своего орленка мгновенно спикировал и атаковал моих обидчиков. Это

был «момент истины», мгновение подлинного Сергея Владимировича Михалкова. Как похожи были реакции отца и сына: мгновенный, без промедления ответ на сигнал SOS, полученный от ближнего. Это происшествие сердечно спаяло нас. И хотя мы впоследствии виделись с Сергеем Владимировичем нечасто (то — в общественном месте, то — у Никиты на дне рождения), я всегда подходил к Сергею Владимировичу, обнимал его и говорил ему что-то сердечное. Память о его добром поступке навсегда пребудет со мною.

Ушел «последний из могикан» — Сергей Михалков. С ним ушла целая эпоха, но остался пример красивой, талантливо прожитой жизни, проблеск светлого человека в царстве теней. Вечером по телевидению показали фильм Никиты «Отец», исповедь об отце и перед отцом. В день, когда душа раба Божьего Сергия разлучилась с телом, исповедь эта приобрела свет истины на все времена, качество свидетельства об удивительном человеке, об эпохе, о русской культуре, о России, которой неизменно служит этот древний русский род.

Утром моего 60-летнего юбилея, принимая звонки, услышал голос, который не признал:

— Я хотел тебя поздравить первым, но меня опередила Арина Шаропова по Первому каналу.

— Это кто? — спросил я.

— Кто-кто! Конь в пальто! Никита...

Я поблагодарил друга за поздравление и за подарок: фильм «Колокол Николая Бурляева», снятый его «Студией ТриТэ» буквально за несколько дней до юбилея, который мне еще только предстояло увидеть в тот вечер по телевидению.

— Хоть узнаю, что ты обо мне нынче думаешь...

— Да, я о тебе там столько наврал!..

— Когда выберешь время повидаться — позвони. Давно пора попать в баньке, поговорить... Ведь делаем одно дело, любим друг друга... А то так и перейдем в мир иной, не поговорив толком в этом...

— Коля... — ответил Никита, — любовь — это не когда глаза в глаза, а когда — в одну сторону...

В этот день мне позвонили настоятели трех храмов Москвы и Подмосковья. Все трое пожелали одного и того же: спасения души. Есть о чем поразмыслить... Человеку свойственно откладывать строгий суд над собой в долгий ящик, ссылаясь на нехватку времени, надеясь на безразмерно долгую жизнь. А жизнь-то, как показывают юбилейные даты, — весьма быстротекущее явление. Человеку присуще заниматься самолюбованием, самооправданием, преувеличением значения своих деяний. Как говорил Лермонтов: «Каждый гном почитает свои труды великими...» Не переоценить бы своего земного значения. Ведь Там будут судить по Божьим Законам.

Тускнеет зоркость, в сытости живя:

Благополучие считать за наказанье.

Все принимать спокойно, не скорбя,

И даже в смерти не забыть дерзання!

Не знаю, как мой друг Никита, а я, пожалуй, впервые задумался о спасении души. Перевесит ли чаша добрых дел и бескорыстного служения Отечеству чашу повседневных, обыденных и потому незаметных для

сознания грехов? Как бы там ни было, живем мы и служим Святой Руси. На семейном юбилейном ужине я попытался внушить своим детям мысль, выстраданную за долгие годы. Мысль проста: много подвижников, героев и гениев было на Руси — Сергей Радонежский, Илья Муромец, Александр Невский, Серафим Саровский, Суворов, Кутузов, Ушаков, Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Мусоргский, Рахманинов, Чайковский, Есенин, Шукшин, Бондарчук, Тарковский... Да разве всех перечислишь... тысячи великих душ... Несметно богата достойными именами Россия. Много праведников и гениев существовало на Руси, а Россия — о д н а! Ценность и значение каждого из них и смысл существования каждого из нас — лишь в том, сколько мы сможем послужить Господу и России. Все прочее — суета сует и томление духа — не имеет особого значения. После русского человека на земле остается лишь мера его служения Отечеству, а в Вечности — мера служения Господу.

А коли так, какова же истинная цена всей этой рыночной кино-теле-театральной суете? Что останется от мелочного, тщеславного мельтешения по экрану и по подмосткам, от тотального кинобизнеса, от искусства, превратившегося в доходный промысел? Кого из деятелей театра и кино вспомнит Россия через сто... двести лет? Станиславского, Бондарчука, Шукшина, Тарковского... Народ будет сохранять память лишь о тех, кто служил Господу и Отечеству.

Пришло время выступать Никите на свое «Куликово поле». Сколько же он взвалил на свои плечи. Руководство Союзом кинематографистов, который лично ему ничего не дает, кроме проблем и траты собственных средств. Сколько же успел сделать этот гигант за годы своего правления. Создал фонд «Урга — территория любви». Разумно учредил его не в лоне российского Союза, понимая, что, если бой будет проигран, фонд захватят маленькие и серые корыстолюбцы. Ныне этот фонд помогает продлевать жизнь нашим коллегам. Фонд помогает Санкт-Петербургу, Новосибирску, Уфе, Казани, Екатеринбург, Ростову, Самаре, Владикавказу, Нальчику, Туле, Риге, Киеву, Кишиневу — а это уже ближнее зарубежье. Никиту упрекали в том, что он мало внимания уделяет Союзу, редко бывает на рабочем месте, снимая фильмы, укрепляющие имидж России. Но даже если он не сидел в своем кабинете, его именем решались все проблемы Союза: сотни писем уходили в высшие инстанции, удовлетворялись нужды коллег — жилье, звания, материальная помощь, больницы, санатории, похороны... Кто сможет делать столько полезного и привлекать внимание руководства государства к проблемам отечественного кинематографа? Кто сможет противостоять раскольнической, «иудиной» деятельности некоторых членов Союза, составивших «пятую колонну», — вернее, маленькую, но крикливую колонку, борющуюся с председателем Союза и вождедующую разорвать сообщество российских кинематографистов.

В 2012 году, поднявшись по ковровой лестнице Московского международного кинофестиваля, я подошел к Никите. Он в элегантно смокинге и белом шарфике на плечах встречал гостей кинофестиваля. Обнявшись и по-православному трижды облобызавшись, Никита шепнул:

— Скоро поработаем.

— Наконец-то, — ответил я другу, еще не зная, что он затевает.

По завершении кинофестиваля Никита пригласил меня полететь с

ним в Нижний Новгород в узком составе (50 звезд кино) на традиционное «Эхо ММКФ». Поговорить с Никитой в эти два дня было физически невозможно. Он в постоянном окружении СМИ и VIP-персон, разрываемый на части.

После открытия «Эха» погрузились на теплоход и пошли по Волге. Лето, солнышко ласковое. Увидел Никиту, сидящего в полном одиночестве на палубе, подставившего солнцу свой могучий, обнаженный торс, опустил ся, сел рядом, положил руку на его шею, сказал:

— Гони ты от себя этих пидарастов...

— Кого? — Шея Никиты напряглась.

— Отборщиков своих. Что они тебе понесли на фестиваль?.. Фильмы про всяких нетрадиционных, мягкое порно Тинто Брасса...

— Да ладно... — Никиту мои слова явно задели. — Что ты брюзжишь, младо-православный?..

— Ты тоже православный. Ведь Там — будем отвечать за все.

В наш разговор неожиданно вторглась Наташа Андрейченко. Не поняв толком, о чем идет речь, она попробовала поддержать Никиту, а он поднялся и пошел по своим делам.

Я рассказал Наташе, что я имею в виду, заодно попеняв ее:

— А ты что там играешь в Голливуде... каких-то вурдалачек... Сколько там на экране мерзости, голубых и розовых...

Наташа согласилась и сказала:

— Да, один крупный американский режиссер попробовал поднять тему засилья гомосексуалистов в Голливуде. Так на него подали в суд — и он проиграл...

Вскоре я узнал, что Никита приступил к постановке фильма «12». Однако приглашения мне участвовать в этом проекте не последовало. Через положенное время я увидел готовую картину. Она мне очень понравилась — ничего общего с нашими младыми «Двенадцатью разгневанными мужчинами». Русская драматургия, актуальные для сегодняшней России проблемы, замечательный актерский ансамбль, мощная михалковская режиссура.

Узнав о присуждении Никите «Золотого льва св. Марка» за фильм «12», позвонил ему в Венецию, поздравил с наградой.

— Ты поменял концепцию?

— Да.

— Я понимаю тебя и поздравляю с победой, жаль — без моего участия.

В сентябре того же года, проводя в Тбилиси фестиваль «Эхо ММКФ «Золотой Витязь»», пригласил Никиту полететь с нами. Он, привязанный к новгородским лесам и своему новому проекту «Утомленные солнцем», вырваться никак не мог, но одну копию фильма «12» выдернул из премьерного кинопроката для показа в Тбилиси. Никита посетовал, что грузины допустили и терпят неадекватного президента, что некоторые из грузинских кинематографистов, обласканных в России, за счет которой жили и живут, процветаая и развивая свой личный бизнес, требуют «обуздать русских агрессоров».

В центральном кинотеатре «Амирани» собралась вся интеллигенция Тбилиси: Резо Чхеидзе, Софиико Чиаурели, Эльдар Шенгелая... Зал, вмещавший около 2000 человек, был переполнен. Три часа, пока длилось открытие и шел сам фильм, люди стояли у стен в проходах. Бурно реаги-

ровали на фильм Никиты, особенно на монолог грузинского героя о ножах и «Авлябарском детстве». По окончании долго аплодировали, со слезами на глазах благодарили за подаренную Никитой радость.

В 2008 году на торжественной церемонии закрытия очередного МКФ «Золотой Витязь» в Доме кино, министр культуры А.А. Авдеев вручил Никите наш Гран-при за фильм «12».

В ответном слове Никита сказал:

— Семнадцать лет... Как стойкий оловянный солдатик, Коля Бурляев, начав свою карьеру в курсовой работе моего брата «Мальчик и голубь», стал крупнейшим актером нашего великого кино. Семнадцать лет он посвящает тому, чтобы удержать этот аб-со-лют-но (*он по слогам произнес это слово*) необходимый нашей стране и нашему миру фестиваль. Трудно! Ирония всесжигающая! Пресса, которая мочит нас, как хочет... Огромное количество вопросов, непонятностей: «Нужен?.. Не нужен?.. Не национализм ли это?.. И так далее, и так далее... Коля Бурляев и его товарищи — наши сербские друзья, болгарские друзья — люди славянского мира и не только... Здесь и прекрасная мексиканская картина, и китайская, и картины двух десятков других стран... Это люди, которые понимают, что вот эти слова, написанные здесь (*он показал рукой на транспарант, растянутый над всей сценой: «За нравственные, христианские идеалы, за возвышение души человека»*), — это не просто слова, это реальная наша сегодня необходимость. Это необходимость всегда, а сегодня — особенно!

Никита обратился к министру культуры, стоящему рядом с ним:

— Александр Алексеевич, Вы первый раз вручаете приз на Родине в качестве министра культуры?..

— Первый, — ответил министр.

— Я очень рад, что это произошло именно на этом кинофестивале. Это знаковое событие...

В декабре 2008 года случился очередной шабаш серой московской кино-массы — VII «Съезд кинематографистов». 200 разъяренных «декабристов-михалковобобов», мелкой россыпью рассеянных в тысячеместном, на две трети пустующем зале Дома кино, выглядели хилой, но озлобленной стайкой. Все это мы уже однажды проходили в 1986 году на V съезде. Тогда распинали С.Ф. Бондарчука и СССР, теперь — Михалкова и Россию. Как и два десятилетия назад, все те же «серые и кусачие» затеяли новый переворот: «демократически» не выбрали делегатами никого, кто мог бы противостоять их заговору, — ни Наумова, ни Ливанова, ни Хотиненко, ни Тодоровского, ни даже председателя Союза кинематографистов Михалкова. Меня выбрали от Гильдии актеров кино. «Серые» подготовились основательно. Никита же не предпринял никаких предвыборных действий и оказался в одиночестве.

Куда делись все его многочисленные «друзья»? Переживая за него сердцем, поддерживая друга, я сел на пустующее рядом с ним место в первом ряду, и на протяжении двух дней мы сидели плечом к плечу. С самого начала этого «съезда» Никита объявил о нарушениях при выборе делегатов, что привело к нелегитимности данного сборища. Он предупредил, что Минюст не примет решений несостоятельного «съезда» и что он не намерен делать отчетный доклад. О несостоятельности данного собрания заявил и заместитель министра культуры А. Голутва. По-

присвоив слова одним из первых, я тоже подчеркнул бесполезность происходящего. Сказал, что для меня, знающего Никиту с детства, было загадкой, почему он согласился возглавить Союз тогда, когда тот был разрушен и разворован до основания. Ведь ему предлагали и более высокие посты — например, министра культуры СССР. Он же принял на свои плечи расхищенный предшественниками, гибнущий Союз кинематографистов. И сделал он это только потому, что любит кино и своих коллег. Он не стал заводить уголовных дел на проворовавшихся, по-христиански простил их. За эти годы Михалков не только удержал Союз на краю пропасти, но оживил и сделал первые шаги к его возрождению. Являясь по сути своей государственным, он старался уберечь Союз от раскола как единый Российский Союз. Михалков — безусловно всенародный и всемирно признанный лидер кинематографа. Кто достоин сменить его на этом посту? Кто может сделать для Союза больше, чем он? Если Михалков покинет Союз, то и мне здесь делать будет нечего. Когда я спустился со сцены и сел рядом с Никитой, он стукнул меня по колену и сказал: «Дружбан!»

Не большой любитель выступать, я несколько раз за эти два дня поднимался к микрофону. Особенно меня возмутило, когда на второй день на председательское место сел склочный серый кинокритик. Я напомнил залу, как на пленуме 1999 года кинематографисты приняли единодушное обращение в поддержку братской Югославии, подвергшейся бомбардировкам НАТО. Как тогда этот «критик» выкрикнул из зала, что он против этого обращения. Как взволнованный Евгений Матвеев, взметнувшись со своего кресла, выбросил в сторону «критика» свою руку, словно гранату, и гневно крикнул: «Да там людей убивают!» Хилая «огневая точка» была подавлена. А Никита спокойно, с присущим ему юмором подытожил:

— Но мы уже проголосовали за поддержку обращения. Если, господин Матизен, у вас есть иная точка зрения, можете обратиться в НАТО...

И вот теперь этот «серый критик» пытается руководить нами?! Я потребовал замены такого «председателя», но, естественно, не был поддержан его поделельниками.

На исходе первого дня этого шабаша в адрес Никиты поступило множество обращений от делегатов со всей России с просьбой о встрече, и он предложил желающим спуститься вниз в конференц-зал. Он встал и направился к выходу, я — за ним, за нами — остальные. Нам в спину шипели: «Предатели». И без того немногочисленное собрание обезлюдело больше чем на треть. В конференц-зал набилось около 150 человек. Никита спокойно объяснил собравшимся положение дел: интригу «московского союза» по захвату власти, их намерение расчленить Союз кинематографистов России. Сказал, что он как председатель Союза имеет право собрать на настоящий Съезд не 400 келейно выбранных делегатов, а всех членов Союза со всей России...

На следующий день начали выдвигать кандидатуры на пост председателя Союза кинематографистов. Назвали несколько фамилий, в том числе и меня. Каждый из кандидатов, в том числе и я, отказались от этого поста. Отказались все, кроме М. Хуциева. Его и выбрали. Только вот вопрос: зачем выдающемуся кинорежиссеру на склоне лет подобная головная боль и обреченность на бесславную «дружбу» с раскольниками? Было ясно, что его подталкивают в спину недруги Никиты, которые предполагают руководить Союзом за спиной 83-летнего мэтра...

Вскоре после этого судьба столкнула нас в Белградском четырехэтажном зале Сава-центра на большом празднике сербского народа, куда мы с Никитой прибыли, не сговариваясь. Учитывая занятость располагавшего всего двумя часами свободного времени Михалкова, сербское руководство предоставило арендованный в Испании самолет. Поприветствовав собрание, Никита должен был вылететь в Москву и пригласить меня лететь с ним. Это было за несколько дней до собираемого Никитой легитимного Съезда кинематографистов. Мы, сидя в салоне друг против друга, проговорили всю дорогу. Помню свой вопрос:

— А если тебя снова изберут председателем Союза?

Никита ответил после мучительного раздумья:

— Коля... Я не могу больше... Ну зачем мне это нужно?

В его глазах была неподдельная мука и боль.

— Ну, если не ты, то кто же?!

Спустя еще несколько дней я приехал к нему в «Студию ТриТэ» взять интервью для своей телепрограммы на «Спасе». Мы говорили обо всем прямо, открыто, без утайки. Я сравнил настоящую ситуацию с тем, что мы пережили в период «перестроечной» травли С.Ф. Бондарчука. Сегодня практически та же стая серых и кусачих пытается затравить нового лидера — Никиту Михалкова. На это он с грустной улыбкой ответил:

— Я не столь талантлив, как Сергей Федорович, со мной этот номер не пройдет.

Нельзя сказать, что я всегда разделял мнение Никиты — скажем, его доверчивость к окружению частенько предававших его выдвигенцев. В 1994 году, когда он вдруг решил поддержать Ельцина, я спросил его:

— Почему ты это делаешь? Ведь ты же был против расстрела им Белого дома?

— Ты понимаешь, ведь эти уже насосались, но могут прийти другие, ненасытные...

Мне не нравились многие персоны, продвигаемые им на руководящие посты. Я переживал, что мы, имеющие одни цели, делающие одно дело, так редко видимся и никак не координируем наши действия, тогда как стая серых и кусачих весьма сплочена. Понимал, что он самодостаточен, борется в одиночку, по принципу «и один в поле воин», не нуждается в моей прямой поддержке... Мне не хватало моего друга многие годы, но я глушил свою печаль и посылно продолжал поддерживать его во всех начинаниях...

Утром Прощеного воскресенья, 1 марта 2009 года, направляясь в храм на литургию, отправил Никите смс-ку: «Никитушка! Прости меня за все. Вместе мы — 50 лет. Вместе нам до конца. Люблю тебя. Твой друг Колька». И сразу прилетел ответ: «Бог простит, и я прощу! И ты прости меня за все ХРИСТА РАДИ, Коленька! Твой Никита».

30 марта 2009 года прошел исторический чрезвычайный съезд Союза кинематографистов России. Как и 11 лет назад, Никита пригласил в Москву всех членов СК. В «Гостиный двор» к стенам Кремля съехалось около 2500 кинематографистов со всей России. Это был настоящий праздник единения большинства вокруг своего признанного лидера. Столько знакомых, знаменитых лиц, собранных в одно время в одном месте и охваченных единым порывом, я давно не встречал. В первых рядах старейшины: В. Наумов, М. Ножкин, И. Макарова, Г. Боровик, В. Давыдов,

В. Васильев, И. Скобцева, Г. Натансон, В. Юсов, Я. Лапшин, А. Петренко, С. Шакуров, Н. Губенко, Ж. Болотова, С. Любшин, А. Вертинская, А. Михайлов, М. Пореченков, А. Снаткина, Ю. Назаров, Л. Зайцева, Н. Бондарчук, И. Мирошниченко, В. Хотиненко, С. Соловьев, Д. Месхиев, Е. Герасимов, С. Никоненко, А. Малюков, Е. Леонов-Гладышев — всех не перечесать...

Никогда я не видел Никиту столь собранным, открытым и волевым, как в эти дни. Перед собравшимися предстал исполин, воин кинематографа, Пересвет, вышедший на свое Куликово поле — на битву за свое честное имя, за всех нас, за русский кинематограф, за духовное будущее России. Я давно ожидал этого момента, когда Никита поднимет свое забрало и выскажется прямо, ибо отступить некуда: «За нами — Россия». Его речь, продолжавшаяся два часа, была настоящей сагой о фарисеях, ввязавших его по рукам и ногам 11 лет его правления, саботировавших многие его благие намерения, лгавших и клеветавших на своего председателя, ожидавших, когда же он споткнется, чтобы, навалившись на него всей «московской сворой», растерзать, как некогда они растерзали великого С.Ф. Бондарчука. Речь была яркой и мускулистой и, несмотря на свою продолжительность, держала собравшихся в непрестанном внимании. А оратор все наращивал энергию наступления, шел от кульминации к кульминации. И негде было просочиться шипению врагов.

Особенно потрясла та часть речи, когда он с документальным приложением начал раскрывать «тайны мадридского двора» — похищения у 5000 членов СК некогда принадлежавшего всем нам киноцентра на Красной Пресне. Помню, как на заре перестройки нам, кинематографистам, объявили, что все мы — 5000 членов СК — становимся акционерами этого гигантского (21 000 кв.м.) дворца! Радость наша была непродолжительной. Очень быстро узнали, что мы (5000 членов СК) выведены из числа акционеров, а завладели им 15 наших проворных коллег. Никита впервые назвал имена «героев», похитивших у нас нашу собственность: Ибрагимбеков, Говорухин, Бардин, Финн (Хальфин), Гусман, Дыховичный, Щербаков, Ярмольник, Волчек, Роцин, Ланской, Мурса, Мотыль, Фатеева, Цимбал. Это потрясло и всех собравшихся. Как же эти люди будут теперь жить и смотреть в глаза тем коллегам, которых они практически обокрали?

Дважды — и в первый, и второй день съезда — мне пришлось выступать. В первый день я сказал о михалковофобии, о том, что зависть — мерило успеха, что быть первым на Руси — тяжелый крест, о позитиве руководства Н.С. Михалкова, о достойном представительстве им Союза кинематографистов в высоких инстанциях, о привлечении внимания руководства государства к проблемам кинематографа, о том, что никто другой не пожертвовал 700 000\$ на помощь своим коллегам: Н.А. Крючкову, С.С. Ростозкому, В.И. Соловьеву, Г.С. Жженову, В. Дворжецкому, семье Геннадия Шпаликова, на операции Варлей — и другим кинематографистам; об оказании помощи ВГИКу, коллегам из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Уфы, Казани, Екатеринбургa, Самары, Ростова, Владикавказа, Нальчика, Тулы, Риги, Киева, Кишинева, о помощи детским домам, интернатам и даже тем, кто не любит Михалкова... СК работает уже без долгов. В Доме кино проводятся серьезные, духовно полезные программы, фестивали, творческие вечера, поддерживается жизнь Дома ветеранов кино... Издаются книги С. Бондарчука, Ю. Озерова, Н. Мордвинова... Никита организовал благотворительный фонд «Урга — территория люб-

ви», ежегодно расходующий по миллиону долларов на адресную помощь ветеранам кинематографии. Кто может сегодня быть более эффективным руководителем Союза?

Съезд подавляющим большинством голосов (2000 — «за», 171 — «против») вновь избрал председателем Союза кинематографистов России Никиту Михалкова. Зал нескончаемо аплодировал. Никита стоял на трибуне и едва сдерживал слезы. Это были чувства воина, одержавшего победу в тяжелом бою, в котором победа вовсе не была гарантирована, чувство обиды за несправедливую ненависть к нему и клевету, которой он подвергался на протяжении 11 лет и трех последних, невиданных по оголтелости месяцев травли и шельмования в СМИ, на которую нашими «коллегами» были израсходованы сотни тысяч долларов из банков США. И вот он вышел из боя победителем, отстоявшим и себя, и всех нас. Никита попросил меня работать в Правлении СК. Впрочем, я и так бы помогал своему другу всем, чем могу. Общее ощущение от съезда — как у летописца битвы на Куликовом поле: «В зал вошла разрозненная масса, вышел — монолит!»

Когда заканчивался съезд, мне позвонили с телевидения и предложили прийти в программу В. Соловьева «К барьеру». Я сказал, что правильнее предложить Н. Михалкову, который компетентнее меня в данном вопросе, поднялся к нему на сцену, предложил...

— Я не могу, — устало ответил Никита. — Иди ты.

Я пошел, хотя противника, вызвавшего меня «на дуэль», некоего документалиста Манского, совсем не знал. Кто такой? Что знаменитого снял? Его коллеги говорят, что снимает явный негатив, тем и прославился. Вызов я принял. У «барьера» увидел перед собой явно нервничающего противника. Поединок я выиграл с перевесом в 4500 голосов, но ощущения полной победы не осталось. Поскольку правда была за мной и за Никитой, я ожидал большего отрыва. Этот поединок выявил печальную картину духовного расслоения российского общества.

22 мая 2009 года Никита прилетел в Липецк на МКФ «Золотой Витязь». Прием в честь открытия форума проходил под открытым небом, за городом, подле аэропорта. Сюда на попутном вертолете приземлился Никита, опоздав к трапезе на полчаса, но встретили мы его праздничным салютом, на который он, впрочем, не успел полюбоваться, поскольку непрерывно говорил по телефону.

Утром 23 мая в конференц-зале администрации области состоялось, пожалуй, главное событие нашего форума: круглый стол российской делегации с участием всех зарубежных делегатов фестиваля. Тема — «Российский кинематограф сегодня и завтра». Никита призвал коллег «определяться» на путях служения позитивному кинематографу и России. Подобного мощного собора выдающихся кинематографистов, секретарей и членов правления СК РФ, советников Президента РФ и обеих палат парламента страны, политологов, философов, ученых я не видел за все мои 50 кинематографических лет. А главное — не видел такого духовного, патриотического единомыслия. Вслед за Никитой на правах президента кинофорума я произнес:

— Прежде чем говорить о российском кинематографе «сегодня и завтра», вспомним, каким был наш отечественный кинематограф «вчера», до так называемой перестройки. Советский кинематограф был поистине могучим. Великие режиссеры мира завидовали нам. Федерико Феллини

в разговоре с Тарковским высказывал свое удивление тем, как функционирует кинематограф в России: стопроцентное финансирование, единая мощнейшая сеть государственного кинопроката, представляющая возможность единовременного показа по всей великой стране. А самое главное — какого высокого (не только творческого, но и нравственного) уровня достигали высшие творения наших кинематографистов, приносивших всемирную славу нашей стране: Эйзенштейн, Довженко, Чухрай, Герасимов, Ростоцкий, Бондарчук, Тарковский, Шукшин, Михалков, Панфилов, Тодоровский... Подавляющее большинство режиссеров носили в кармане партбилет, но при этом снимали поистине христианские фильмы, ставшие источником живой воды для миллионов людей на планете. Это источник, к которому припадали и будут припадать грядущие поколения.

Но это было светлое «вчера». Грянула «перестройка», провозгласили наступление новой кинематографической эры. Что мы имеем сегодня? Почти до основания разрушенный и разрозненный государственный кинопрокат. Царство «торгующих во храме» новоявленных частных прокатных дельцов. Апологеты рыночного кинематографа, приторговывающие искусством кино, в эйфории сообщают народу о том, что все идет прекрасно. Построено около 1500 кинотеатров с «долби-стерео» и «попкорном в койку». Говорят, что в скором времени количество подобных суперкинотеатров возрастет вдвое. Вроде все красиво, а радости нет. Невольно задаешься тревожным вопросом: а на чьи деньги построены эти кинотеатры? Оказывается, преимущественно — на иностранные.

А что показывают эти кинотеатры? Заглянул как-то в один из них. Во всех залах — либо американское кино достаточно примитивного, пошлого содержания, либо российский «продукт», подражающий «продукту» американскому. Киноискусство с легкой руки лукавых телевизионных топ-менеджеров и обслуживающих их кинокритиков-рыночников стали упорно называть «продуктом». О «кривом зеркале» насилующей зрителей примитивной эстрады и сериальных «продуктах» российского телевидения и говорить не хочется. Россию Пушкина, Лермонтова, Достоевского... Россию Эйзенштейна, Бондарчука и Тарковского год за годом, день за днем, «step by step» опускают все ниже и ниже. Кинокритики, увенчанные степенями и солидным возрастом, уже отказываются серьезно относиться к фильмам, говорящим о высоких идеалах. «А где же в вашем фильме гомосексуалисты? — вопрошают кинокритики. — Где любовь друг к другу девочек или, на худой конец, инцест?.. Это — нерейтингово! Неформат!..» Имена этих критиков называть не стану. Кому надо, поймут, что это относится к ним. При вашем содействии, коллеги, ведется разлагающая, лукавая работа по внедрению чужебесия в сознание наших детей.

Хочется напомнить евангельские слова: «Невозможно не прийти в мир соблазнам, они должны прийти, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

На протяжении двух десятилетий идет последовательная вестернизация российского кино и телеэкрана, вытеснение, подмена традиционной духовно-нравственной сердцевины русской культуры, мутирование сознания новых поколений, нарождающихся на Святой Руси. Впрочем, вряд ли Русь станет святой при такой обработке. Невольно еще и еще раз вспомнишь откровение радио «Свобода», изреченное в эфир в самом начале перестройки: «Цель перестройки в том, чтобы произошла мутация русского духа. Нужно русских выбить из традиций». Очаги сопротивле-

ния этой чуме существуют. И сегодня, с великим трудом удерживая высоту, продолжают творить лучшие российские режиссеры: Михалков, Сокуров, Панфилов, Тодоровский, Абдарашитов, Прошкин, Бортко, Хотиненко... В документальном кино, несмотря на ликвидацию ЦСДФ и агонию «Леннаучфильма», не сдаются подвижники-одиночки: Мирошниченко, Гуркаленко, Лизнев, Матвеева, Шиллер, Криницын и десятки других замечательных кинематографистов...

Детский кинематограф практически умерщвлен. Российским детям приходится ориентироваться на Гарри Поттера, Шварценеггера и заокеанских анимационных монстров... Немудрено, что на уроках рисования сегодняшние дети рисуют не витязей, не Илью Муромца, не Ивана-царевича, а бэтменов, монстров, вампиров и одноглазых инопланетян.

Что будет «завтра»? Во многом это зависит от всех нас. Пора осознать и нам, кинематографистам, и руководству государства, что экранное искусство есть духовно-стратегическое оружие нашей державы, и оружие это не должно служить массовому духовному поражению народа. Необходимо кардинальное изменение российской культурной политики и ее составной части — национального кинематографа. Нужно рекомендовать высшей государственной власти задуматься об утверждении нового национального проекта в области культуры и духовного развития нашего государства. Возродим культуру и кинематограф — преобразим жизнь нашего Отечества. Необходимо на порядок увеличить количество средств федерального бюджета, выделяемых на культуру и кинематограф. Культура и государственный кинематограф в России не должны жить по законам рынка, не должны ставить главной целью извлечение прибыли всеми дозволенными и недозволенными методами.

Российская культура, кинематограф и телевидение должны быть переориентированы на традиционные духовно-нравственные ценности. Необходимо введение системы государственного заказа со стопроцентным государственным финансированием на кинопроизводство фильмов, способствующих духовному возрождению и укреплению нашей культуры и нашей страны. Пора задуматься о возрождении государственного кинопроката и разбазаренных киностудий. В первую очередь, Киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького. Кинематографическая политика Министерства культуры должна определяться в творческом содружестве с Союзом кинематографистов. Российские кинематографисты прошли свой переломный исторический момент, консолидировали позитивные силы нашего сообщества. Продемонстрировали стране сплоченность подавляющего большинства вокруг созидательной миссии вновь избранного руководителя Союза кинематографистов, безусловного лидера российского и мирового кинематографа, творчеством своим и жизнью своей доказавшего преданность Отечеству и российской культуре.

Российские кинематографисты словно дождались наконец того, что они соединились на родной земле, могут говорить на родном русском языке о наблевшем за годы разрушительных преступных деяний вождей «перестройки», подвергших народ духовной деградации. Эмоционально и по существу говорили об этом губернатор О.П. Королев, политолог С.Е. Кургинян, советник Президента РФ Ю.К. Лаптев, советник председателя Совета Федерации А.В. Щипков, депутат Государственной Думы В.Р. Мединский, ректор Щепкинского театрального института Б.Н. Лю-

бимов и ректор ВГИКа В.С. Малышев, народные артисты СССР и России И.В. Макарова, А.Я. Михайлов, В.В. Гостюхин, С.П. Никоненко...

Результатом культурной «Липецкой дуги» как битвы за духовное будущее России явился коллективный меморандум кинематографистов «Будущее Российского государства и текущие задачи национального кинематографа». Текст меморандума Н.С. Михалков передал лично в руки Президента России и председателя Правительства РФ.

После этого удивительного собора, когда пресса перестала терзать по разным вопросам Никиту, губернатор устроил для нас с ним дружеский прием, где мы продолжили общение от сердца к сердцу.

18 ноября сотрудник Никиты пригласил меня на конференцию «Российская киноиндустрия — 2009». Собралось множество людей — около 250 журналистов. Выступать не предполагал, но, послушав речи благополучных кинорыночников, удовлетворенных процессом российской экранной деградации, произнес антирыночную речь, напомнив собравшимся о духовной миссии кинематографа и обязанности государства уделять особое внимание поддержке позитивного кино. Выступая, Никита со свойственным ему примирением и толерантностью сказал о целесообразности и моей, и «рыночной» позиции. В перерыве ко мне подходили люди, благодарили, что-то говорили о «мощной волне, пущенной по болоту», о наконец-то «прозвучавшем голосе правды»...

В 2012 году, узнав об уходе с поста министра А.А. Авдеева, я позвонил Никите, задал вопрос, кто же будет новым министром.

— Есть пара кандидатур.

— В принципе, министром должен быть или ты, или я.

— Коля... Мне это не нужно, — вздохнул Никита. — А тебя они сожрут.

Я сказал, что пока они будут точить зубы, я бы успел поставить Минкультуры с головы на ноги, поменять идейную направленность министерства, очистить от коррупционеров, перевести стрелки с пошло-рыночного на традиционный путь... Сказал, что вовсе не рвусь к этой должности, она мне не нужна, и, в отличие от чиновников, не стал бы цепляться за министерское кресло. Чувствуя, что Никита не разделяет мои воззрения, спросил: «И кто же будет?» Он назвал имена двух возможных кандидатов, не вызвавших моего восторга. Сердце подсказывало, что прав я.

В 2014 году, Никита сообщил мне, что я введен в Общественный Совет Минкультуры и добавил: «Только ты там — потише...»

В этом же году в Томске прошел XXIII МКФ «Золотой Витязь», я посетил воссозданную там стрелецкую слободу, стрелецкий воевода показал мне шкатулку с крестами XVI века и, указав на один из них, сказал:

— Это крест Бесогона...

— А можете вы подарить этот крест Никите Сергеевичу Михалкову? — спросил я. Имя Никита означает Бесогона...

— С удовольствием, — не раздумывая, ответил воевода.

Я пригласил его на торжественную церемонию закрытия, попросив, чтобы он сел поближе к сцене.

Оставалось главное — чтобы прилетел Никита. Я пригласил его задолго до начала фестиваля, бесконечно перезванивались, переписывались, уточняли дату... На открытии присутствовать он не мог, обещал на закрытие. То, что Никита обещает, он, как правило, исполняет, но как бу-

дет на сей раз?.. Ведь его новый фильм находится сейчас в стадии завершения. Я как режиссер хорошо понимал, что такое последний этап рождения фильма, когда твое долгожданное дитя вместе с тобой уже в «родильном отделении». Как оторваться от него, пресечь пуповину, связывающую тебя, родителя, с твоим творением?..

Последние дни перед прилетом, последние уточняющие звонки:

— Все идет по плану, — успокаивал Никита, — готовимся к вылету. Со мною еще четыре человека... Могу быть у тебя несколько часов... Когда я должен выйти на сцену?

— Приблизительно в 19.30.

— Ты прости, но ровно в 20 я покину зал.

— Конечно.

— А почему ваши хозяева в Томске требуют большие деньги за стоянку самолета?..

Я пришел в замешательство.

— Я не знал об этом. Будь спокоен. Прилетай. Я все улажу.

Сразу позвонил томскому министру культуры.

— Вы хотите, чтобы на закрытии был Никита Сергеевич Михалков?

— О, конечно...

— Тогда предусмотрите средства на перелет борта и стоянку.

Тревожная пауза свидетельствовала о том, что в сознании коллеги происходит лихорадочный подсчет.

— Это шутка, — поспешил я успокоить министра. — Никита Сергеевич летит ко мне как к другу, бескорыстно. Только объясните мне, почему с человека, делающего такой щедрый подарок Томску, хотят содрать бешеную сумму за стоянку самолета.

— Я вас услышал, — ответил министр, — я разберусь.

Днем 31 мая я приехал в аэропорт встречать друга. В vip-зале — вице-губернатор и министр. Вижу, что цветов у них нет. Спрашиваю:

— А где же цветы?

Удивленный вице-губернатор переадресовал мой вопрос министру, и тот поспешил на поиски букета.

— Мы должны ехать с Никитой Сергеевичем в машине одни.

Вице-губернатор был явно удивлен.

— Мы с Никитой Сергеевичем должны провести по дороге рабочее совещание.

И мы «провели совещание»: я поведал Никите подробности нашей томской «эпопеи». Сказал, что по творческой части наш форум — событие для города центральное: зрители воодушевленно принимают происходящее, залы переполнены... Но сам я нахожусь в чудовищном моральном состоянии. Губернатор выделил необходимые средства. Вот только исполнители его воли, отжимающие бюджет на свои нужды, впервые за всю историю «Золотого Витязя» решили оставить все у себя, сделав главным получателем средств и исполнителем проекта местную филармонию. Никита внимательно выслушал мой рассказ. На первой же встрече с губернатором он прямо высказал ему свое удивление, почему средства выделены филармонии, а не главному организатору — «Золотому Витязю».

— А что? Есть проблемы? — насторожился губернатор.

— Николай Петрович Вам все расскажет.

Я описал губернатору бесчинства филармонии.

За трапезой я произнес тост за друга, сказал, что высоко ценю то, что он сдержал обещание и прилетел. Признался, что если бы он, Никита,

позвал меня к себе в тот момент, когда я завершал бы работу над своим фильмом, я бы еще подумал, лететь или нет...

— Ну, ты бы подумал, а я — прилетел, — как всегда с юмором парировал мой друг.

По «звездной дорожке» мы прошли втроем с Никитой и губернатором. Когда Никита завершил свою речь на церемонии закрытия, я попросил его задержаться и пригласил на сцену сибирского воеводу, который подарил Никите крест Бесогона. Никита, тронутый этим символическим подарком, расцеловал воеводу и, побыв в зале еще несколько минут, ринулся в аэропорт. Я был сердечно благодарен Никите, подтвердившему фактом своего прилета ко мне в Сибирь крепость нашей 55-летней дружбы.

5 декабря 2014 года по традиции провели в зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя закрытие годовой программы V Славянского форума искусств «Золотой Витязь». Святейший Патриарх, пообещав присутствовать на церемонии еще за полгода до закрытия, сдержал слово и, несмотря на то, что имел всего 20 минут до своего отъезда в аэропорт, прибыл на церемонию. Я встретил Святейшего у входа и, пока шли к сцене, видя на его лице явное утомление и сосредоточенность на ходу спросил: «Как ваше здоровье?..» Мне было интересно, как чувствует себя наш с Никитой ровесник. Святейший после некоторого раздумья, словно прислушиваясь к своему состоянию, тихо сказал:

— Я даже не могу точно ответить... Видимо, Господь помогает...

Никита, несмотря на занятость, тоже примчался в зал Соборов. Перемежая юмор с серьезностью, он сердечно приветствовал «Золотой Витязь». Отметил переполненность зала — свидетельство большого интереса зрителей. Я публично пригласил его на XXIV МКФ в Севастополь с новым фильмом «Солнечный удар». Он дипломатично ответил: «Это мы с тобой обсудим...»

24 августа 2015 года на заседании коллегии Минкультуры в Сколково по теме Фонда кино Никита сел рядом со мной, хотя мест в зале было полно. Я спросил:

— Ты будешь выступать?

— Да... Сейчас услышишь, — многообещающе произнес Никита.

— И ты услышишь... Я выступлю с критикой Фонда кино.

Я ожидал, что Никита, являясь членом попечительского совета Фонда, станет меня отговаривать, но он сказал:

— И правильно.

Того, что произошло далее, вряд ли кто-то мог ожидать. Умиротворенный ход коллегии, где все выступающие благодушно одобряли деятельность Фонда кино, взорвал Никита. Он объявил, что не несет какую бы то ни было ответственность за работу Фонда (как, впрочем, и абсолютно все его безответственное руководство) из-за введенной в попечительский совет г-жи Тимаковой, пресс-секретаря премьер-министра, «которая, видимо, хорошо разбирается в кинематографе». С ее назначением в Фонде все стало решаться «подковерным телефонным правом». Поэтому он принял решение выйти из состава попечительского совета.

Когда Никита вернулся на свое место, я крепко сжал его руку и сказал:

— Молодец! Серьезный поступок!

Выступая следом, я поддержал решение Никиты. Министр попробовал прервать, но я, повысив голос, сказал, что Общественный Совет создан не для того, чтобы слушать окрики чиновников. Министр был вынужден дать мне договорить до конца. В финале, обратившись к президиуму, состоявшему из представителей всех ветвей власти (Министр — Мединский, Правительство — Тимакова (та самая!), Администрация Президента — Толстой, Госдума — Кобзон и Говорухин), я предложил ввести санкции относительно американского кино и допускать в наш прокат не более 10 американских фильмов, что уже давно практикует Китай, Индия, Франция и другие страны. В этот день слова Михалкова о «латентной русофобии чиновников» и его выход из попечительского совета Фонда кино стали главной новостью многих СМИ.

21 октября 2015 года поздравил Никиту с 70-летием. Боже! Как быстро пролетает время: Никитушке — 70! И мне в будущем году — столько же! Так определил Господь! «Время жить и время умирать. Дано нам время жизни праздник знать!» Мы еще в силе, хотя уже налицо процесс нашего «взросления». Никита — молодец! Дай Бог пожить и послужить России подольше!

В ноябре впервые увидел спектакли академии Никиты Михалкова («Воскресение» и «Метаморфозы»). Вновь мой друг делом доказал свою неукротимую творческую силу — создал Киноакадемию, лучшую в России, и в кратчайшие сроки достиг блистательных результатов — два ярчайших спектакля. Переступал порог его академии с тревогой — не угас ли театр? Получил удовлетворение и сердечную радость — театр жив!

С радостью наблюдаю телевизионное стояние друга с его «Бесогоном» перед обнаглевшим легионом лукавых. Горжусь крепостью его духа и непреклонным служением Господу и России. Мог ли я предполагать, что друг детства — озорник и балагур Никита — превратится в столь мужественную и талантливую личность, необходимую России, нескончаемо атакуемой бесами?

Этим трусливым «тварям дрожащим» следовало бы прислушаться к лидеру российской культуры Н.С. Михалкову, обратившему внимание общественности на склонность некоторых ответственных чиновников к скрытой латентной русофобии, и задуматься о том, что недостаточно произносить правильные слова о патриотизме и традиционных ценностях и уверять общественность в том, что Указ Президента «Об основах государственной культурной политики» является «конституцией» для Минкультуры. Пора на деле выполнять требования этой «конституции». Как говорит Священное Писание: «По делам их — узнаете их». Дела «дрожащих» приспособленцев — постыдны, дела моего друга — праведны.

Дорожа нашей дружбой, понимая перегруженность Никиты неисчислимыми заботами, я никогда не обременял его своими житейскими проблемами. Но однажды, узнав о том, какую сумму мне заломили стоматологи за капитальный ремонт, он сказал:

— Коля, они тебя разводят...

И мгновенно отправил в знакомую ему клинику, приняв все расходы на себя. Сам бы я, конечно, не смог справиться с решением этой задачи. Вскоре после починки, сидя в зале напротив пребывающего в президиуме Никиты, я оскалил свою «голливудскую улыбку», на что он не мог не прыснуть от смеха.

5 октября 2020 года неожиданно позвонил Никита и сказал:

— Коля, есть охрнительная авантюра...

— Что такое? У тебя вся жизнь — авантюра...

— Мы написали пьесу. Хочу, чтобы ты сыграл на сцене главную роль в «12-ти». Я буду играть то, что играл в фильме, а ты — роль, которую играл Сережа Маковецкий.

— Интересное предложение. Давно хотел с тобой поработать, но в кино... Театр я бросил 50 лет назад и не хотел возвращаться на сцену. Правда написал пьесу «Бемби» и недавно пришлось самому в ней сыграть в театре Вахтангова. Я ориентирован на кино. Когда репетиции?

— Вчера.

— Но не люблю репетиции. Включаюсь только на команду мотор. Когда Алексей Баталов просил на съемках «Игрока» «порепетировать», я сказал ему: не требуйте от меня репетиций, сядьте в ваше кресло, подождите, и я все сделаю в дубле. Я особого склада, могу играть лишь в момент полного подключения...

— А я обожаю репетиции.

— Пришли пьесу.

На следующий день получил пьесу. Понял, что, видимо, соглашусь. Ради возобновления нашей дружбы на излете жизни, чтобы вспомнить нашу молодость, азартную работу над «Двенадцатью разгневанными мужчинами» в Щукинском училище.

21 октября 2020 года Никите стукнуло 75! Мог ли я предполагать в далеком 1959 году, что моему 13-летнему другу предстоит такая судьба, что он превратится в выдающегося режиссера, актера и общественного деятеля, что он станет шестикратным лауреатом высших наград «Золотого Витязя» и его почетным попечителем. Присоединяясь к поздравлениям юбиляру, награжденному Президентом страны высшим званием Героя труда Российской Федерации, я поздравил его не только по телефону, но и со страниц экранов и СМИ.

На протяжении 60 лет мы сохранили любовь и уважение друг к другу. С годами эти чувства лишь возрастали. Люблю Никиту за то, что он такой же, каким был в нашем далеком детстве, — никогда не теряющий чувства юмора, устремленный к своей цели, неугомный в творчестве, бесконечно, каторжно работающий и своими творениями пробуждающий в людях «чувства добрые». Он один из немногих кинорежиссеров постперестроечного периода, не предавший истинного назначения искусства, которое призвано возвышать душу человека. Безусловный лидер, маяк отечественного кинематографа и российской культуры. Масштаб личности Никиты, как водится, в полной мере оценят позже, когда будут оглядываться на прошлые достижения.

Любовь к ближним у Никиты, можно сказать, врожденная. Он — свой среди своих, и с ближними, и с дальними; всегда готов прийти на помощь; не раз преданный, сам — верен в дружбе. Когда в 1993-м расстреливали российский парламент и арестовывали защитников Белого дома, тележурналисты задавали Михалкову вопрос о его дружбе с опальным посаженным в Лефортово А. Руцким. Никита ответил прямо: «Да, мы друзья», — давая понять, что друзей своих он не предает.

То, что Никита таков по сути своей, — это промысел Божий о нем. Его нарекли именем Никита, что значит, повторюсь, «изгоняющий бесов». Он еженедельно доказывает это своей пронзительной, эпохальной

и любимой миллионами телепрограммой «Бесогон». Подняв забрало, он говорит правду, которую сейчас может себе позволить в эфире только он. Никита — Бесогон современной России.

Он работает непрестанно, титанически. Позвонишь ему в десять вечера, говорит: «Подожди, я сейчас монтирую, звони в двенадцать». Набираю в полночь — помощник отвечает: Никита Сергеевич играет со съемочной группой в футбол. Приверженность Никиты к спорту — не только для личного тонуса, это форма сплочения коллектива. Он — один из немногих режиссеров в нашем кинематографе, который реально заботится о своей группе, понимая, что его сотрудники тратят годы жизни на воплощение его идей. Его постоянное попечительство о людях — это и его сердечная благодарность сотоварищам.

Он умеет создавать удивительную атмосферу вокруг себя. Спроси любого артиста, у кого бы тот хотел сниматься, — ответит, что у Михалкова. Сняться у Михалкова означает обрести новое актерское дыхание и популярность. Михалков — мастер, умеющий докапываться до психологических глубин личности. Встречаясь, беседуя по телефону, мы говорим обо всем открыто: о проблемах кинематографа, об отдельных личностях; рассказываем анекдоты... Есть фото, на котором он улыбается до ушей, а я еле сдерживаю улыбку. Камера выхватила нас в тот миг, когда только что примчавшийся в Калугу на открытие кинофорума «Золотой Витязь» Никита, сев в зале рядом со мной, с ходу рассказал анекдот. Мы — в эпицентре события, а на нас все смотрят, надо поддерживать строгость лица, а он легко сбивает официоз искрометным юмором.

Вызывает уважение и чувство благодарности то, что он постоянно вникает в ситуации, где нужна его помощь. Когда мы учились в Щукинском училище, он уже тогда был «третейским судьей» в конфликтах сокурсников. Им он остается и поныне. У Никиты — обостренное чувство справедливости. Конечно, не все поголовно его любят: зависть всегда сопутствовала роду Михалковых. Как же не завидовать — успешны, благополучны, самодостаточны, «оскароносцы», уважаемы властью, влияют на многие процессы в российской культуре и при этом говорят в полный голос, без обиняков и иносказаний.

Лермонтов писал: «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья: в меня все ближние мои бросали бешено камня». Лермонтова пристрелили в 26 лет. А Никита Сергеевич, слава Богу, дожил до 75-ти — плодотворно трудится, борется и для подавляющего большинства является маяком. К зависти, злобе и прочим неблагоприятным человеческим проявлениям он научился относиться спокойно. Град «бешенных камней» закалил его. Стрелы-то подчас весьма ядовиты, но то, как он с этим справляется, вызывает восхищение.

Юбилей Никита не стал отмечать многолюдно, а на следующий же день приступил к постановке спектакля «12». Собрал весь актерский состав в «Студии ТриТэ», рассказал о своем видении спектакля. Из «народных» — только он, я и два приглашенных из разных театров. Остальные — молодежь из его академии. Начали, как заведено, с читки пьесы по ролям. Процедура, которую я всегда не любил и которой внутренне опасался. На читке артисты пробалтывают текст весьма приблизительно, чего в силу своих психологических особенностей я не терплю. Мне нужно полное погружение в образ.

Было интересно наблюдать за Никитой спустя полвека просвистевшей

как пуля жизни. Оба мы крепко повзрослели, подморщились, поредели перья на голове. Но какая творческая мощь накоплена моим другом... Солируя, он мастерски прошелся по характерам каждого персонажа, проигрывая его образ — сердцем, до слез. Когда он, «не читки требуя с актера, а полной гибели всерьез», произнес библейскую фразу: «От избытка сердца говорят уста», я удивился тому, что ведь и я, не сговариваясь с ним, повторяю это на своих мастер-классах, подкрепляя еще одной евангельской мыслью, в которой заключена тайна не только актерского, но любого творчества: «Много в мире различных слов, и ни одного нет без значения». Каким он стал удивительным режиссером-артистом, вгрызающимся в существо характера и психологию каждого персонажа, сердцем проживающим и при этом наблюдаящим хозяйским глазом за собой и за каждым со стороны. Спросил его:

— Допускаешь ли ты импровизацию на сцене и в каких пределах?

— Конечно, — ответил Никита.

И меня это устраивает — живи и твори! Он заявил, что абсолютно знает, чего хочет, и уже готов выйти на площадку. Я сказал, что тоже готов. Он шепотом спросил меня:

— Интересно?

— Да, — ответил я.

Подмигнули друг другу, как в юности: «Мы сделаем это!» Ради этих мгновений я и пошел на ненавистную репетиционную Голгофу — для того чтобы побить в поле прежней нашей любви и сердечности.

— Может, с тобой я полюблю репетиции... — сказал я другу.

Работая ежедневно, за пять репетиций начерно прогнали две трети спектакля. Поражался уверенности и мастерству Никиты. В отличие от меня, не впрягающегося последние тридцать лет в кинотеатральное режиссерское и актерское тягло, критически относящегося к актерству и современному рыночному кинопроцессу, Никита — стопроцентно преданный кино и театру режиссер. Удивлялся тому, как в свои 75, перенесший не одну сложную операцию, обремененный бездной проблем и обязанностей в «Студии ТриТэ», Академии, Союзе кинематографистов, фондах, бизнесе, благотворительности, подготовке нового кинопроекта, еженедельном «Бесогоне», исполнении сыплющихся на него отовсюду просьб о помощи, как он смог загореться желанием в кратчайшие сроки в условиях «пандемического психоза» ринуться в постановку спектакля? Наблюдал со стороны и радовался, видя его искреннее добросердечие ко всем сотрудникам: артистам, осветителям, звуковикам, администрации. Аристократично, мягко, без игры на публику, без режиссерского «топанья ножками», с неизменным юмором, терпеливо и спокойно он добивался результата, который видел лишь один он. С полной отдачей и темпераментом он блистательно показывал, проигрывал за каждого артиста существо его характера. Я сказал Никите, что из-за кинематографической практики и, как следствие, полувекового разрыва с театром я стал бегуном на короткие дистанции: выучил текст — снял короткий дубль. А здесь требуется непрерывное, трехчасовое проживание себя в образе — на сцене.

16-20 декабря 2020 года репетировали в новгородском имении Никиты — Щипочихе. Начали с литургии и причастия в домашнем деревянном храме, наполненном уникальными иконами и мощами святых. У каждого до Бога своя дорога. Мы оба были крещены нашими мамами в

младенчестве, но никогда — ни в детстве, ни потом — не говорили о религии. Каждый из нас шел к сокровенному своим путем. Уже в зрелые годы я начал замечать, что мой друг в отличие от многих не скрывает того, что он православный, верующий человек. Это грело мое сердце, но вопрос — насколько это глубоко? — не покидал меня. В домашней церкви я невольно наблюдал за другом и с радостью отмечал, как сосредоточена и устремлена в горний мир его молитва.

После завтрака посидел подле Никиты в спорт-горнице, посмотрел, как он разминается, восстанавливает после операций свое могучее тело. Потом репетировали в большом пространстве теннисного корта. Работали спокойно, внимательно и уважительно. Никита впервые несколько раз ободрил меня: «Хорошо... Это туда... В правильном направлении...»

Несколько лет назад я подарил другу свой трехтомник. Сомневаясь, что он его раскрывал, привез еще экземпляр, написав следующие слова: «Дорогой мой друг, Никитушка! Грядет 2021 год — 62-й год нашей дружбы, проверки на прочность и любовь. Не знаю, станешь ли читать все, что я написал за мою жизнь... Для облегчения загнул страницы, которые говорят о тебе, одном из главных героев моего трехтомника. Ты стал мощной личностью. Моя любовь и уважение к тебе стали со временем гораздо более крепкими, чем в нашем детстве и юности. Ты нужен России. Храни тебя Господь! Твой друг Колька. 18.XII.2020, Щипочиха».

19 декабря в праздник Николы Зимнего в той же домашней благодатной церкви совершили литургию и причастие. От избытка сердца выступали слезы. В течение пяти дней мы четырежды проводили службы в храме, трижды причащались...

После репетиций трапезничали за широким хлебосольным столом по традициям незабвенной Натальи Петровны и Сергея Владимировича, всегда внешне усталого, а по сути трепетного и доброго — вечного ребенка. Никита оберегает дух светлого, творческого рода Михалковых-Кончаловских, православных, грешных и кающихся, стремящихся к Господу русских аристократов, вечно «чужих среди своих» и внешне — «своих среди чужих», писателей, художников, кинематографистов и воинов, желающих блага своему Отечеству, добра людям, посильно творящих славную историю Руси: помогающих ближним гимназиями, детскими книжками, живописными полотнами, снимающих не искажающие правды и не опошляющие искусство фильмы.

Небольшой отдых после завтрака и репетиции на огромном, прохладном корте. Если бы не Никита, никогда бы не ввязался в подобную авантюру: не рискнул бы ваньку ломать на подмостках в свои 74. Ибо давно потерял желание корячиться на сцене, произнося чужие слова и представляя из себя того, кем не являюсь... Но погружение с Никитой в давно забытый процесс создания спектакля, наблюдение за другом, умеющим создавать новую психологическую реальность, сердечные дни прикосновения к нашим истокам сделали эту «авантюру» особенно интересной для меня — тем более на завершающем витке земных судеб.

Утомившись на дневной репетиции, решил уснуть пораньше. Только задремал, как задрожал деревянный щипочихинский терем: грохот, крики, пальба... Что такое? На снегоходах, что ли, решили покататься, салют запустить? Вышел поглядеть, что происходит. В темном холле перед большим экраном Никита с учениками и помощниками смотрели голливудскую галиматью на полной громкости. Подсел, досмотрел с ними

оставшиеся 10 минут грохочущей пустоты, недоумевая, зачем тратить на это время.

— Какая хреновень! — изрек Никита, едва потекли титры.

В нескольких фразах припечатал режиссера:

— Спекулянт! Два с половиной часа пустоты, бездарных диалогов ни о чем...

— Разве тебе не было это ясно с первых минут просмотра? Зачем тратить два с половиной часа жизни на это дерьмо?

— Врага нужно знать в лицо...

— Я тоже досматриваю мерзость до конца, — признался я.

— Вот они, — Никита кивнул в сторону учеников, — смотрели это в четвертый раз... С придыханием произносили название фильма и имя режиссера...

Шесть месяцев ежедневных, изнурительных репетиций. Каждая — на пределе сил. Никита изредка подбадривал, хвалил, иногда сердился, не получая того результата, которого он хотел от меня добиться; в праведном гневе бросался из зала на сцену:

— Коля! Просрал монолог!

Я в душе обижался, выслушивая подобное. Такого в мой адрес, да еще и при молодых партнерах, не позволял себе ни один режиссер. Но понимая, что он прав, смирял гордыню. Я ведь предупреждал, что не люблю репетиции и полностью включаюсь лишь при команде «мотор». Перед первым прогоном на публике он позвонил и сказал:

— Коленька, ты сделаешь потрясающую роль, если сделаешь то-то и то-то...

Я уже твердо знал, что все сделаю на премьере.

16 апреля 2021 года состоялся первый прогон на публике — рождение спектакля «12». Зрители долго аплодировали стоя, кричали «браво»; глаза восторженные. Равнодушных лиц не наблюдали. Первые же отзвы:

— Ошеломляющее воздействие... Ничего подобного не видели на сцене много лет... Спектакль держит в постоянном напряжении...

Мое исполнение принято, многие требуют моего возвращения на подмостки, о чем я не помышляю. С фильмом «12», к нашему с Никитой удовлетворению, никто не сравнивает, считая эту постановку новым, самостоятельным драматическим произведением. Со времени создания фильма «12» прошло пятнадцать лет, но пьеса выглядит еще более актуальной: деликатно и с любовью затронуты в ней межнациональные отношения, столкновение различных характеров, «чувство правды в сердце человека», милосердие, стремление к жизненной гармонии тронули сердца зрителей. Никита снова рисковал и вновь одержал победу — над собой, над окружающим недоброжелательством «коллег». Да и надо мной одержал победу, добился-таки, чего хотел. Условный «Мотор!» — и я пошел в атаку, работая абсолютно спокойно, владея собой и залом. Никита после моего первого монолога, сидя спиной к залу, подмигнул: мол, «хорошо!». Горжусь своим другом. Он — большой талант, быть может, последний подлинный профессионал настоящего кино и театра, национальное достояние, которое нужно беречь, значение которого в полной мере оценят, как водится, после.

24 апреля грянула премьера «12» на исторической сцене Большого театра. Триумфальный итог рискованной авантюры Никиты — изнурительного, полугодового репетиционного марафона. Сотни зрителей Большого театра — в том числе и представители государственной власти — стоя приветствовали победу Михалкова. Нашу победу! Несмотря на усталость и дневной прогон спектакля, чувствовал себя на сцене Большого театра совершенно спокойно, забыв о зрителях, которые сидели затаив дыхание и напоминали о себе лишь всплесками аплодисментов. На приеме после спектакля подошли человек двадцать. Они высоко оценивали наш труд. Хвалу и клевету приемлем равнодушно, зная, что удалось, а что нет — и каков будущий потенциал.

Приятно было получить от Никиты после спектакля СМС: «Ты молодец и боец!» Не менее лестными были и его слова в интервью каналу «Россия 24», сказанные сразу после премьеры в Большом:

— Мне хотелось, чтобы Николай Петрович окунулся со своего пьедестала «Золотого Витязя» и всех общественных трудов в эту творческую шахту. Это тяжелый труд. Я должен сказать, что он прошел невероятный путь от первого дня до сегодняшнего. Это была такая глубинная метаморфоза и такое возрастающее мастерство прямо на глазах. Я благодарен ему за то, что он согласился это с нами сделать.

Следом Никита отправил участникам спектакля такое сообщение: «Дорогие мои, хорошие! Посмотрел видео спектакля в Большом. Если исключить ужасающий монтаж, это — серьезно и хорошо! Кое-что нужно скорректировать, но это в рабочем порядке. Что очень важно (!) — правильный и пульсирующий ритм. Это действительно основополагающе. Еще чрезвычайно важно — это то, что все «включены». Это нужно сохранять и культивировать. По персонажам какие-то соображения скажу каждому. Важно, что я вижу и чувствую азарт и удовольствие, которые царят на сцене. Обнимаю всех сердечно. Ваш Н.М.»

21 мая сыграли вторую премьеру в пятитысячном зале «Екатеринбург-ЭКСПО». Отделенные от зала сеткой-экраном, сыграли спектакль, не ведая, сколько там собралось зрителей. Обещали из-за карантинного психоза собрать половину зала. Выйдя на поклоны, пережил непередаваемые ощущения — зал переполнен! Зрители стояли и взволнованно и щедро одаривали нас овацией. Предполагалось, что мы с Никитой вылетим ночью после спектакля в Севастополь на завтрашнее открытие «Золотого Витязя». Он, ожидая важнейшей встречи, сказал, что никак не сможет. Неожиданно предложил мне эксклюзивный показ — мировую премьеру его новой документальной картины «История неполучившегося фильма» со своим видео-приветствием фестивалю. Несмотря на финансовую и организационную петлю, не ослабевающую на горле «Золотого Витязя» все тридцать лет, XXX Кинофорум прошел на достойном уровне. Международное жюри присудило фильму Никиты Гран-при.

На протяжении полувека, читая и слушая бесчисленные интервью Никиты, я видел, что он никогда не юлил и не лукавил, говорил то, что думает, постоянно подтверждая сказанное реальными делами.

Вижу лукавую улыбку на устах недоброжелателей, читающих эту повесть, но я не мог при нашем еще земном бытии не сказать о друге все, что сейчас на моем сердце. Но слово это должно было быть произнесено вовремя. Точку не ставлю, ибо желаю Никите долгой жизни во славу Господа, Отечества и ближних — а значит, и продолжение последует.